

ИЗ ПРОШЛОГО СТРУКТУРАЛИЗМА

Д. ЛЕКУР¹

За критику эпистемологии
(Башляр, Кангийем, Фуко). Париж, 1972

ОБ АРХЕОЛОГИИ И ЗНАНИИ

(О Мишеле Фуко)

Много написано о «Словах и вещах». Последняя же книга Фуко «Археология знания» не вызвала подобного интереса у критиков.

Такая сдержанность, безусловно, связана с необычностью произведения, которое имеет все шансы привести читателя в замешательство. Одни в конце концов перевернут последнюю страницу разочарованные, чувствуя себя обманутыми. «Ничего нового, несмотря на словесные инновации, – скажут они, – стоило ли ради замены терминов писать целый том?» Законная реакция, поскольку действительно, если при первом прочтении «погоня» за новыми словами бросается в глаза и сбивает с толку, то очень скоро в этих непрекращающихся нападках на «субъект» и его двойников мы вновь обретаем себя или скорее Фуко. Другие, закончив чтение, промолчат и будут ждать продолжения: «Все ново, мы больше ничего не понимаем, но посмотрим, как эта группа новых понятий будет работать, и тогда мы выскажем свое мнение». И они будут правы, поскольку автор предупреждает нас несколько раз о том, что разработка новых категорий ставит под угрозу прежнюю систему, о том, что должны быть внесены серьезные коррективы. Так, категория опыта в том виде, в каком она присутствовала в «Истории сумасшествия», оказывается недействительной по причине неза-

¹ Французский философ.

конной реставрации «анонимного и неопределенного субъекта истории»². Основное понятие «медицинского взгляда», вокруг которого разворачивалось *«Рождение клиники»*, также было отвергнуто. Ограничиваясь наиболее очевидным и недвусмысленным, нельзя не увидеть реальную новизну понятий сквозь обновленное богатство стиля, даже если существуют некоторые трудности при ее изучении, поскольку новые исследования не появляются, а на предыдущие автор ссылается лишь косвенно.

Необходимо принять во внимание, что оба вышеприведенных противоречивых отзыва задают один и тот же вопрос: зачем эта книга? Какова была необходимость в ее написании? Именно от этого вопроса, на мой взгляд, и необходимо отталкиваться. Мишель Фуко, говоря по правде, сам дает нам ответ. Эта книга, по его мнению, должна была быть методическим повторением сделанного ранее «вслепую». Действительно, исходные положения, как мы вскоре увидим, не выходят за пределы предшествующих произведений. Кроме того, книга изобилует методологическими нормами, и целые главы предстают как попытка систематизации некоторых правил, которые, если верить автору, были приняты без обсуждения и хаотично использовались в прошлом.

Однако нам кажется, что этот ответ, навязываемый автором, неудовлетворителен. *«Археология»* имеет иное значение, и ее проблематика обладает реальной новизной и радикальностью. В качестве показателя этой новизны мы возьмем весьма значительное *отсутствие*³ – отсутствие понятия *эпистемы*⁴, краеугольного камня предшествующей работы и точки опоры любых «структуралистских» интерпретаций Фуко. Понятно, что такое отсутствие не может быть случайным. Договоримся воспринять всерьез подобный *парадокс* книги, которая стремится стать методическим «повторением» предыдущих произведений, но «теряет» их основную часть. В этом парадоксе и заключается весь интерес к затее. Он ставит два вопроса: что означает это упорное желание доказать взаимосвязь

² Histoire de la folie. P. 27, 74.

³ Здесь и далее курсив автора. – Прим, переводчика.

⁴ Мы не отрицаем, что термин *эпистема* появлялся в конце произведения, чтобы сыграть решающую роль, но он претерпел по ходу такое изменение и развитие, что мы считаем для себя вправе говорить *об отказе* от прежнего понятия эпистемы.

двух произведений, которая не совсем очевидна? Какие нововведения заставляют автора отказаться от центрального понятия эпистемы?

Я думаю, что на эти вопросы можно дать единственный ответ: именно отказ объясняет упорство. Проясним: Фуко чувствует необходимость отказаться от основной категории своей философии, но этот отказ не должен восприниматься как переход в стан противника. Скорее, категория *эпистемы* имела полемическое влияние на всю «гуманистическую» или «антропологическую» теорию познания и истории. Он пытается его сохранить. В то же время понятие эпистемы, которое описывало «конфигурации знания» как большие полотна, подчиняющиеся специфическим структурным законам, позволяет мыслить историю *идеологических* образований лишь как внезапных «мутаций», загадочных «разрывов», внезапных «расколов». Именно с этим типом истории Фуко и хочет порвать по причинам, которые мы подробно рассмотрим. «Археология» фиксирует этот разрыв. Он был уже подготовлен: Фуко хочет избавиться от «структуралистских» аспектов эпистемы, но в то же время не собирается вновь вставать на позиции гуманизма, против которого он всегда восставал. Это опасная работа, которая требовала написания целого тома. Ее сложность легко объясняет трудность восприятия читателями и сдержанность критиков: в «Археологии» они более не обнаружат *своего* Фуко, послушного искателя эпистемологической структуры. А хуже этого то, что они наблюдают за возникновением Истории, но это не *их* история, а странная, чуждая история, которая отказывается от *преемственности* субъекта, так же как и от структурной *неупорядоченности* «разрывов».

В свою очередь, мы считаем, что критики весьма дальновидны – их опасения правомерны, поскольку понятие истории, действующее в «Археологии», имеет немало общего с другим ее понятием, для неприязни к которому у них есть множество оснований. Речь идет о научном понятии истории в том виде, в каком оно фигурирует в историческом материализме. Это понятие истории, представляющей тоже как процесс без субъекта, структурированного системой законов. Понятие, которое в этом виде является радикально антиантропологическим, антигуманистическим и антиструктуралистским.

Таким образом, *«Археология знания»*, с нашей точки зрения, является переломным произведением в творчестве Фуко. В этой связи нам хотелось бы показать, что его новая философская позиция ведет его, начиная с этого произведения, к разносторонним исследованиям с позиций исторического материализма, что, по его собственным словам, он воссоздает в измененном виде понятия марксистской исторической науки; и, наконец, что сложности, с которыми он сталкивается, как, например, относительная неудача, которую он потерпел, могут быть преодолены лишь на основе исторического материализма.

ОБ АРХЕОЛОГИИ ЗНАНИЯ

Против «субъекта»

Можно сказать, что вся «критическая» часть *«Археологии знания»* написана в продолжение предыдущих работ. Фуко, несомненно потеряв прежних союзников, сохранил прежних противников. Но полемика становится разнообразней, глубже и ведет к появлению концептуальной взаимосвязанности, которая до сих пор не проявлялась. Это выражается в том, что нападки на категорию субъекта теперь неразрывно связаны с нападками на ***непрерывность*** в истории.

Вот что он ответил своим гуманистическим критикам-неогегелянцам по поводу *«Слов и вещей»*: «Столь сильно сожалеют вовсе не об исчезновении самой истории, а той ее формы, которая скрытно, но полностью была подчинена синтетической деятельности субъекта». Известное положение, являющееся великолепным маневром антропологизма: удобнее всего сражаться с историей, подняв ее собственный флаг.

Пример: *«Археология»* жестко критикует ныне весьма популярную дисциплину – «историю идей». Фуко показывает, что она базируется на антропологическом постулате, который вынуждает быть открытым и бесславным **сторонником преемственности**. «История идей», по его мнению, выполняет двойственную задачу: с одной стороны, она «излагает историю незначительных событий

и допущений. Это не история наук, а история несовершенных, не обоснованных в должной мере знаний, которые, несмотря на свое упорство, так и не смогли приобрести форму научности». К таковым относятся алхимия, френология, атомистическая теория... Короче говоря, «история идей» – «это дисциплина пустых речей, бесформенных произведений, бессвязных тем». Но, с другой стороны, она задается целью трактовать существующие дисциплины, анализировать их и интерпретировать на свой лад. Она описывает проникновение научного знания в философию и даже в литературу. В этом случае ее постулатами являются: **«генезис, непрерывность, итог»**⁵. *Генезис*: все «области» знания по своей природе связаны с целостностью отдельного или коллективного субъекта. *Непрерывность*: общность происхождения имеет в качестве необходимого коррелята непрерывность развития. *Итог*: общность происхождения имеет в качестве необходимого коррелята гомогенность частей. Все это убедительно, но Фуко считает, что данные положения не могут быть фундаментом для настоящей истории.

Критике также подвергается вся теория *отражения*, поскольку она понимает «речь» как «средство для символического проецирования событий или процессов, вторгающихся извне», поскольку она пытается «вновь найти причинную связь, которую можно было бы детально описать и которая позволила бы связать открытие и факт, понятие и социальную структуру». Теория «отражения», которая по своей природе «эмпирична» или «сенсуалистична», должна принимать в качестве «постулата» категорию субъекта и относиться к антропологизму⁶ с недоверием. Еще более удивительно, что, несмотря на свою «конкретность» и очевидность, термин *«автор»* также отбрасывается. Автор всего лишь литературное, философское либо научное определение «субъекта», выступающего в качестве «создателя». Отсюда следует, что «книга» есть наивно и произвольно расчлененное единство, которое нам навязывают с легкомысленной непосредственностью геометрические формы, правила печати и сомнительные литературные традиции. «Книга» должна расцениваться не как литературное и в той или иной степе-

⁵ Op. cit., p. 181.

⁶ Op. cit., p. 215.

ни продуманное отражение субъекта, основателя и носителя ее смысла, а как «узелок в сетке»⁷. Не ее непосредственный облик, а ее подлинное существование ограничивается «системой отсылок», которые застывают в ней. «И влияние отсылок не одинаково для математического трактата, толкования текстов, исторического рассказа, эпизода из романтического цикла».

Против «объекта»

Необходимо принять во внимание следующее: в вышеприведенном примере проявляется новизна «Археологии знания»: прежняя полемика, полностью направленная на «субъект», переходит на новый уровень, обращаясь против коррелятивной категории *объекта*.

Здесь приобретают смысл критические замечания, постоянно возникающие, по поводу некоторых принципов эпистемологии Башляра. Она сосредоточена вокруг эпистемологических понятий: «разрыв», «противодействие», «действие». Фуко обнаруживает взаимосвязанность философской категории «объекта» и описательной позиции «разрыва» в истории: поскольку происходит сравнение науки и идеологии с точки зрения их *объектов*, то между ними обнаруживается разрыв (или разъединение), но этот подход узкоописателен и ничего не объясняет. Но хуже то, что, как и следовало ожидать, категория объекта тянет за собой свой коррелят: субъект. Башляровская эпистемология хороший тому пример: понятие эпистемологического разрыва требует, чтобы то, с чем происходит этот разрыв, мыслилось как эпистемологическое «противодействие». Но каким образом Башляр предлагает понимать противодействия? Как вмешательства представлений в научную практику. Фуко же может утверждать, что пара «объект – разрыв» – это всего лишь перевернутый символ, имеющий в своем истоке другую пару – «субъект – непрерывность». Таким образом, эпистемология Башляра не более чем стыдливая антропология. «Психоанализ объективного знания» отмечает границы этой эпистемологии, ступень, на которой произошел поворот к непоследовательности, ступень, требующую использования других принципов для оценки описыва-

⁷ Op. cit, p. 34.

емого теорией. Разумеется, большой заслугой Башляра является понимание того, что наука возникает лишь в разрыве с «чередой ошибок трудных», предваряющих ее и становящихся препятствием для ее развития. Но использование других принципов означает также обращение к «либидо» ученого, дабы понять образование этой цепи ошибок, и необходимость опираться на понятие «субъекта» и даже, в определенной степени, дать понять, что научность могла бы возникнуть в результате произвола ученого (или ученых). Для Фуко важно *отойти* от написанного Башляром, отказаться от позиции объекта и перенести проблему «разрыва» на новую почву. Крайне внимательно изучив «череду ошибок», которую не удалось «осмыслить» Башляру, в частности, «лженауки», предшествовавшие науке, «позитивности», которые науки, однажды сформированные, позволяют **по повторяемости** определить как «идеологические». Ниже мы увидим, что эта тема подробно рассматривается в «*Археологии знания*».

СТРУКТУРА ЗНАНИЯ

Институциональная материальность

Теперь мы знаем, каким требованиям отвечают основные категории «*Археологии*»: речь идет об осмыслении законов, которые управляют дифференциальной историей наук и не-наук, не ссылаясь ни на «субъект», ни на «объект», которые находятся над ложной альтернативой «**непрерывность – прерывистость**».

Первое понятие, отвечающее этим требованиям, – «дискурсивное событие». Фуко пишет: «Однажды отбросив все непосредственные формы непрерывности, мы освобождаем все пространство. Огромное пространство, которое все же можно определить: оно формируется совокупностью наличных высказываний (артикулированных или написанных) **в их распространении событий и в характерной для каждого структуре**. Перед тем как иметь дело с наукой, или с романами, или с политическими выступлениями, или с произведением автора, или даже с книгой, материал, который необходимо разработать в его первоначальной

нейтральности, – это множество событий в пространстве дискурса в целом»⁸. Сразу же возникают вопросы: что есть «пространство дискурса»? Является ли оно лингвистическим объектом? Нет, поскольку «поле дискурсивных событий – это *всегда конечное* множество, и в настоящее время оно ограничено единными языковыми связями, которые были точно выражены». Может быть, это всего лишь «мысль», описываемая эзотерически? Нет, поскольку речь идет не о соотношении сказанного с намерением, безмолвным дискурсом, который распоряжался бы внутренней жизнью. Остается единственный вопрос: «Каково же это независимое существование, которое проявляется через акт артикуляции и никак иначе?» Продолжим следить за развитием мысли Фуко, чтобы раскрыть специфику создаваемой им категории, которой мы рискуем в дальнейшем дать другое название. Действительно, надеясь получить преимущество, Фуко уточняет статус того, что он называет «дискурсивным событием». Это понятие поможет определить «взаимоотношения высказываний» – вне всякой ссылки на сознание одного или нескольких авторов; отношения между высказываниями или группами высказываний и событиями совершенно иного порядка (технического, экономического, социального, политического).

Очевидно, что основным здесь является понятие *отношения*. То, что Фуко понимает под отношением, есть совокупность «существования, последовательности, обоюдного действия, взаимодействования, независимого или коррелятивного трансформирования»⁹. Но Фуко чувствует, что определения подобных отношений еще недостаточно, чтобы описать компоненты структуры «дискурсивных событий»: если после подобной перегруппировки можно надеяться, в некотором смысле, отдать должное «дискурсивному», то в любом случае не удастся до конца понять то, что называется дискурсивным *событием*, оставаясь на уровне эпистемы. Одним словом, подобный анализ не может осознать «материальное» и «историческое» существование дискурсивного события. Основная тема связывает все эти страницы, которые могут показаться излишне многословными: это признаваемая Фуко необходимость опреде-

⁸ Op. cit., p. 38.

⁹ Cf. notamment, p. 53.

лить «порядок реальности» того, что он называет дискурсом, коррелятивная необходимость выработать новую материалистическую категорию «дискурса» и, наконец, необходимость постижения истории этого «дискурса» в ее материалистичности. Такова тройная задача, проходящая красной нитью сквозь *«Археологию»*; она также, как мы увидим, стала причиной ее относительного провала.

Доказательство: обращаясь к «объектам» психопатологии, Фуко задает следующие вопросы: «Можно ли знать, по какой недедуктивной системе эти объекты могут быть рядоположенными и следовать один за другим, чтобы сформировать расщепленное поле – неполное или избыточное сообразно с аспектами – психопатологии? Как они существовали в качестве объектов дискурса?»¹⁰ Точнее: попытка характеристики элементарной совокупности дискурсивного события – события-совокупности, если так можно выразиться – приводит Фуко к тому, что он вводит понятие «высказывания». Что же он считает условием существования высказывания? «Чтобы последовательность языковых элементов могла расцениваться и анализироваться в качестве высказывания, она должна иметь *материальное существование*»¹¹. Материальность не просто одно из многих условий, она является формирующей: «Она не просто принцип изменения, модификации критериев распознавания или детерминация лингвистического подмножества. Она есть формирующая самого высказывания: нужно, чтобы высказывание имело субстанцию, носителя, место и дату»¹². Забегая немного вперед, можно сказать, что поиск «уклада материальности» высказывания будет обращен скорее к субстанции и носителю, нежели к месту и дате: «Уклад материальности, которому с необходимостью подчиняются высказывания в большей мере, является порядком институализации, чем пространственно-временной локализацией»¹³. Действительно, Фуко обнаруживает, что «пространственно-временная локализация может следовать из «отношений» или «соответствий» между высказываниями или группами высказываний, когда в этих соответствиях признается материальное существование и когда

¹⁰ Op. cit., p. 56.

¹¹ Op. cit., p. 131.

¹² Op. cit., p. 133.

¹³ Op. cit., p. 136.

принимается во внимание, что они не существуют вне определенных материальных носителей, в которых они воплощаются, продуцируются и репродуцируются. На этом этапе можно сделать вывод, что возникает необходимость мыслить историю дискурсивных событий как структурированную материальными отношениями, воплощенными в общественных установлениях.

Дискурс как «практика»

Понятно, что Фуко пришел к необходимости определить понятие «дискурса»: «Дискурс – это нечто совершенно иное, нежели место, в котором собираются и группируются, как на простой поверхности для записи, объекты, которые должны были возникнуть заранее»¹⁴⁴. Действительно, то, что говорится о «материальном порядке высказывания», справедливо, дискурс не поддается определению вне отношений, которые, как мы видели, являются основополагающими. Таким образом, скорее необходимо говорить о «дискурсивных отношениях» или «дискурсивных закономерностях», нежели о «дискурсе». Это в конечном счете закономерно, поскольку этот дискурс является *практикой*. Категория «дискурсивной практики» в том виде, в котором ее предлагает Фуко, является доказательством теоретической новизны, материалистической по своей сути, заключающейся в установке на запрет принятия «дискурса», выходящего за пределы системы материальных отношений, которые создают его и структурируют. Эта новая категория проводит линию решительного раздела между «*Археологией знания*» и «*Словами и вещами*». Но необходимо принять во внимание, что под термином «практика» понимается не деятельность отдельного субъекта, а объективное и материальное существование некоторых правил, которым субъект подчинен с того самого момента, как он начинает принимать участие в «дискурсе». Следствия этого подчинения субъекта проанализированы в главе «Положение субъекта». К ним мы вернемся. Сейчас же дадим положительную характеристику дискурса, взятую из «*Археологии*»: «Дискурсивные отношения не являются внутренне присущими дискурсу, они не являются связями, существующими между концептами или словами, фразами»

¹⁴ Op. cit., p. 58.

ми или предложениями; но они тем более не находятся извне, они не внешние «обстоятельства», которые ограничивают речь. Напротив, «они определяют совокупность отношений, которые дискурс должен осуществить, чтобы иметь возможность обрабатывать те или иные объекты, трактовать их, давать им имена, анализировать, классифицировать, объяснять их и т. д.». Фуко делает следующее заключение: «Эти отношения характеризуют не язык, который использует дискурс, не условия, в которых он разворачивается, а *сам дискурс* в качестве практики»¹⁵. Отсюда вытекает понятие дискурсивного правила или правомерности для описания норм этой практики. Отсюда вытекает и определение «объектов» этой практики как «следствий» правил или «совокупности отношений»: необходимо, наконец, «определить объекты, не ссылаясь на сущность вещей, а соотнося их с совокупностью правил, позволяющих формировать их как объекты дискурса, и тем самым формируют условия их исторического возникновения»¹⁶.

СТРУКТУРА ЗНАНИЯ

Таким образом, формируется понятие «знания», подлинного объекта археологии. Что есть *знание*? Оно есть именно «то, о чем можно говорить в дискурсивной практике, которая благодаря этому приобретает свою специфичность. Знание есть область, образованная различными объектами, которые приобретут или не приобретут статус науки»¹⁷. «Знание – это также поле координирования и субординации высказываний, в котором возникают, определяются, распространяются и трансформируются понятия»¹⁸. Вот почему, в отличие от эпистемологии, через археологию проходит «практическая ось дискурса – знания – науки»¹⁹. Пересматривается статус понятия *эпистемологического разрыва*. Особенность эпистемологии, по Фуко, заключается в невнимании к структуре знания, ее установленных отношений, чье материальное существование создает

¹⁵ Op. cit., p. 63.

¹⁶ Op. cit., p. 65.

¹⁷ Op. cit., p. 238.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Op. cit., p. 239.

базу для существования научного знания. Для него важно показать, «как наука вписывается в элемент знания и функционирует в нем». Существует «пространство», в котором, через *зазор внутри* формирующих его отношений, данная наука формировала бы свой объект: «Наука, не сливаясь со знанием, но и не исключая его, локализуется в нем, структурирует некоторые из его объектов, систематизирует некоторые из его высказываний, формализует его понятия и правила»²⁰.

У нас будет возможность вернуться к «зазорам» в понимании Фуко; в частности, разбирая конкретный пример отношений Маркса и Рикардо. Достаточно показать принципы анализа и их воздействие на существующие «дисциплины».

ТОЧКА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ

Вернемся еще раз к подходу Фуко. Как мне кажется, этот подход четко фиксирует границы эпистемологии и обосновывает необходимость выработки теории того, что он называет «дискурсивными отношениями». Здесь, в свою очередь, выявляются границы «археологии». Если наша интерпретация верна, задача «археологии» заключается в конституировании теории «дискурсивного» образования, поскольку последнее структурировано отношениями, включенными в исторически детерминированные установления и предписания. Эта задача решается Фуко лишь в форме описания. Сам он говорит следующее: «Еще не пришло время теории», – пишет он в главе «Описание высказываний». В свою очередь, мы думаем, что этому времени уже давно положил начало Маркс (по меньшей мере, в своих наиболее общих принципах). Но для Фуко оно может не наступить, если он не решится признать принципы той теории, к которой он проявляет интерес. Речь идет о принципах науки об истории. В самом деле, в конечном счете наиболее позитивной в «*Археологии знания*» является попытка обосновать под видом «дискурсивного отношения» материалистическую и историческую теорию идеологических отношений и формирования объектов идеологии. Но в конце концов, на чем базируются эти зачатки

²⁰ Op. cit., p. 241–242.

теории? На априорно принимаемом, всегда присутствующем, никогда не теоретизируемом различении между «дискурсивными» и «недискурсивными приемами». Любой анализ сталкивается с этим разведением понятий. Отметим, что оно используется *вслепую*, и оформление его в теорию остается последним необходимым шагом по его «освоению». Как и сам Фуко, мы не сомневались, что ему придется решать эту проблему.

Вышеприведенное различие всегда присутствует: Фуко, вводя категорию «дискурсивной практики», должен осознавать, что эта «практика» не может существовать автономно, что трансформирование и изменение формирующих ее отношений происходит исключительно комбинаторно, но для их осмысления необходимо обратиться к другому рода практикам. Мы уже видели, что с самого начала Фуко пытается определить отношения не только между высказываниями, но также «между высказываниями и группами высказываний и событиями иного рода (технического, экономического, социального, политического)»²¹. Более того, отметим, что в определении дискурса как практики возникает *странное различие*. «Дискурсивные» отношения оказываются *вторичными* относительно некоторых других, называемых «первичными», которые «в независимости от любого дискурса или любого предмета дискурса могут быть обнаружены между общественными установлениями, техническими, социальными формами и т. д.»²². Немного ниже читаем: «Детерминация реально осуществляемого теоретического выбора выявляет также другую структуру. Эта структура характеризуется прежде всего функцией, которую должен осуществлять дискурс, изучаемый в поле недискурсивной практики»²³.

Можно также привести множество других примеров, иллюстрирующих то, что Мишель Фуко ждет от этого различения, которое он использует в форме *соположения*. Мы, в частности, увидим, что именно соположение фигурирует при анализе отношений между Рикардо и Марксом. Это точка, в которой «система отсылок» Мишеля Фуко подчеркивает его непоследовательность. Перейдем к другим проблемам.

²¹ Op. cit., p. 41.

²² Op. cit., p. 68.

²³ Op. cit., p. 90.

ЗНАНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ

Третий параграф главы «Наука и знание» озаглавлен «Знание и Идеология». Сопоставление этих двух названий указывает, что речь идет о критическом изучении положений, представленных в произведениях Альтюссера, об отношениях между наукой и идеологией. Эти положения, которые в свое время имели теоретическое и революционное значение, использовали в собственных целях башляровское по своей сути понятие «разъединения», или «разрыва». Мы видели, что Фуко в «*Археологии*» предлагает систему категорий для переосмысления и исправления этой концепции «разъединения» (или «разрыва»). Он подчеркивает ее ограниченную описательную ценность и антропологические коннотации. Очевидно, что контрпозиция «наука – идеология» должна быть пересмотрена. Этим и занимается Фуко, анализируя положение науки по отношению к «знанию» с точки зрения понятия, выработанного логикой произведения. Он также стремится к осмыслению различия между тем, что он называет «знанием», и тем, что Альтюссер называет «идеологией». Именно на этой ноте и заканчивается «*Археология*». Фуко пускает в ход три аргумента, соотносящиеся с детерминациями нового понятия «знания»:

а) если знание сформировано совокупностью приемов – дискурсивных и недискурсивных, определение идеологии в том виде, в котором оно присутствует у Альтюссера, является чересчур узким. «Противоречия, – пишет Фуко, – лакуны, теоретические изъяны могут привлечь внимание к идеологическому функционированию науки (или дискурса, претендующего на научность). Они могут указать, в какой точке структуры это функционирование входит в силу. Но его анализ должен осуществляться на уровне позитивности и отношений между законами возникновения и структурами научности». Таким образом, речь идет о всей концепции идеологии как чистой и простой не-науке. По мысли Фуко, такое определение упускает из виду свой предмет, и, если хотите, оно само идеологично. Оно ограничивается механической и в итоге антидиалектической констатацией результатов включения науки в знание. Необходимо *сместить* область анализа, то есть не ограничиваться, сосредоточившись на науке, отображением идеологии как обратной сто-

роны науки, представляющей ее форму деградации, – впечатление, которое может создаться после прочтения некоторых страниц произведений Альтюссера. Напротив, необходимо, чтобы уловить смысл того, что называется «разрывом», проанализировать систему отношений, в которую складывается «знание» и на базе которой возникает наука;

б) если знание включено в некоторую практику – дискурсивную или недискурсивную, появление науки не кладет, как по волшебству, ей конец. Напротив, она продолжает существовать и более или менее мирно взаимодействовать с наукой. Таким образом: «Идеология не является исключительной составляющей научности. [...] Корректируя себя, исправляя свои ошибки, сужая свои формализации, дискурс тем не менее не налаживает свои отношения с идеологией. Роль последней не ослабевает по мере того, как возрастает точность и исчезает неистинность». Другими словами, если под «идеологией» в действительности подразумевается «знание», то необходимо признать, что его реальность, материальность его существования в данной социальной формации таковы, что она не может в ближайшее время исчезнуть как мираж. Напротив, она продолжает функционировать и в буквальном смысле осаждать науку в течение всего бесконечного процесса ее становления;

с) история науки с этого момента может постигаться лишь через призму ее отношений с историей «знания», то есть с историей практики – дискурсивной и недискурсивной, в которой она и заключается. Речь идет об осмыслении изменений этой практики, каждое из которых будет иметь следствием модификацию формы включения научности в знание, установление нового типа отношений «наука–знание». «Вот почему вопрос идеологии, заданный науке, это не вопрос действий или обстоятельств, которые она более или менее точно отражает, это тем более не вопрос ее возможного использования или злоупотреблений ею, это вопрос ее существования как дискурсивной деятельности и ее функционирования среди других видов деятельности».

Как мне кажется, именно сейчас перед нами отчетливо возникает скрытая, но детерминированная «система ссылок», которая маскируется, что парадоксально, под постоянные автореференции

автора на свое произведение. Мы были правы, предсказав своеобразный «поворот», совершенный Фуко, заключающийся в избрании в качестве определяющей системы ссылок, элементы которой он сам признает недействительными. В результате, согласно этому анализу, очевидно, что система «археологии» была полностью построена с целью сглаживания несоответствия пары «наука – идеология» при возникновении необходимости осмысления этих «ложных наук», этих «позитивностей», являющихся объектами, созданными Фуко. «Археология знания» построена на признании слабости. Теперь перед Фуко открываются два пути (и только два): попытаться своими собственными силами разрешить проблему или обратиться к историческому материализму, к науке об истории и увидеть, что оппозиция «наука-идеология» сводится в этом случае (временно и с необходимостью) к тому, что когда-то сформулировал Альтюссер. Уточним: если основные понятия исторического материализма не позволяли освободить теорию от идеологии, то возникшая проблема была решена. Мишель Фуко выбрал – кто-то скажет: отважно – первый путь. В конце мы попытаемся объяснить непсихологическую причину этого выбора. Сейчас же необходимо рассмотреть его результаты. Забегая вперед и предваряя наши выводы, скажем, что природа идеологии такова, что нельзя вести бесконечно параллельный дискурс о сформировавшейся и живой науке. Наступает момент, когда противоречие преобразуется, «перестановка» заявляет о себе через свои проявления, выбор, первоначально игнорируемый, вновь напоминает о себе уже более настойчиво. Это мы сейчас и покажем.

Параллельный дискурс: Фуко, признавая реальную трудность, заключающуюся в том, что отношения, являющиеся возможным решением, по своей сути действительно относятся к области исторического материализма, предлагает некоторое количество подобных понятий, хотя и неуместных. Он вносит в их формулировку условия их автокорректирования.

Все работает при использовании понятия «практика». В буквальном смысле практика признает, что в ней сокращается разрыв между историческим материализмом и «археологией»; но при проверке станет ясно (и это вовсе не парадокс), что в лоне этой «прак-

тики» разрыв, наоборот, увеличивается. В результате категория практики (столь чуждая предыдущим произведениям Фуко) определяет поле «археологии»: не язык, не мысль, как было показано, но то, что Фуко называет «доконцептуальностью»²⁴. «Доконцептуальный уровень», который наконец-то освобожден, пишет Фуко, не смещен ни в сторону идеальности, ни в сторону эмпирического генезиса абстракций». Таким образом, идет поиск не идеальных структур концепта, а «места рождения понятий». Тем более, Фуко не стремится понять идеальные структуры через серию эмпирических операций, которая породила их. Он описывает совокупность анонимных, исторически детерминированных правил, которые воздействуют на любой говорящий субъект. Это не универсальные правила, а правила, всегда имеющие область точно выверенной законности. Основное определение археологической категории «практики» есть понятие правила, закономерности. Именно *закономерность* структурирует дискурсивную деятельность, именно *правило* задает любое дискурсивное «формирование»²⁵. Функция «правила» может быть легко определена: с ее помощью Фуко пытается одновременно (я хочу сказать, в их единстве) помыслить отношения, структурирующие дискурсивную деятельность, их большое влияние на говорящие «субъекты» и то, что он загадочно называет *сцеплением* одного типа деятельности с другим.

Мы уже проанализировали первый пункт. Достаточно будет лишь добавить одно уточнение: «закономерность» не противостоит «беспорядочности». Если закономерность является основной детерминантой деятельности, то оппозиция «закономерный – беспорядочный» неуместна. Нельзя, к примеру, сказать, что в структуре дискурса «изобретение» или «открытие» не подчиняются закономерности: «Открытие не менее закономерно, с точки зрения изложения, чем текст, повторяющий и передающий его; закономерность не менее действенна и активна в банальном высказывании, чем в изысканном положении»²⁶. Беспорядочность – это видимость, которой злоупотребляют «гениальные» историки, которые, преуспев в деле поклонения «субъекту» (по крайней мере нескольким

²⁴ Op. cit., p. 82.

²⁵ Op. cit., p. 63.

²⁶ Op. cit., p. 189.

блестящим субъектам), являются по своей сути, как мы видели, континуистами. Эта видимость возникает, когда модификация осуществляется в определенной точке дискурсивной структуры, то есть *в* и *под* установленной в данный момент истории закономерностью. В соответствии с местом, в котором она проявляется, она будет в разной степени ощутима, она будет оказывать различное влияние (кто-то скажет: она будет более или менее «занятой»). Итак, появляется еще один признак «дискурсивной структуры»: она устроена иерархично. Действительно, существуют «руководящие высказывания, разграничивающие поле возможных объектов и проводящие линию раздела между «видимым» и «невидимым», «мыслимым» и «немыслимым», или, если говорить «археологическими» словами, между высказываемым и невысказываемым; высказывания, которые обозначают то, что включает в себя эта дискурсивная структура через исключаемое ею. Видимость беспорядочности – это всего лишь следствие модификации «ректора́та». Здесь необходимо было бы подробно обсудить содержание интересных 192-й и 193-й страниц, на которых происходит анализ естественной истории.

Второй пункт. Эта иерархическая закономерность распространяется на все «субъекты». Вот что пишет Фуко о клинической медицине: «Положения субъекта определяются по отношению к нескольким объектам или группам: он есть субъект вопрошающий, согласно эксплицитной или неэксплицитной сетке вопросов и слушающий в соответствии с некоторой информационной программой; он есть субъект смотрящий в соответствии с таблицей характерных черт и отмечающий сообразно с дескриптивным типом...»²⁷. И далее: «Различные ситуации, которые могут занимать субъекта медицинского дискурса, были заново определены *в* начале XIX века с организацией совершенно другого перцептивного поля»²⁸.

Третий пункт решающий. Именно в нем аккумулируются все противоречия «археологического» начинания; именно здесь категория практики у Фуко проявляет свою неадекватность: она не позволяет мыслить *единство* того, что она называет *соположением*. Мы

²⁷ Op. cit., p. 71.

²⁸ Ibid.

покажем, что это произошло вследствие отсутствия принципа детерминации. Итак, если все сказанное нами верно, это отсутствие всего лишь *результат* пути, выбранного Фуко. Оно указывает на пункт, в котором ощущается необходимость выбора другого пути, ведущего к внесению поправок.

Фуко считает необходимым осмысление того, что конституирует закономерность правила, того, что задает его иерархическую структуру, того, что вызывает его изменения, того, что наделяет его императивным характером для любого субъекта. И в каждом из этих пунктов он сталкивается с *одной и той же трудностью*. Это весьма интересно, поскольку означает, что Фуко понимает необходимость свести единство этого сложного процесса к *единому* принципу. Но этот принцип, несмотря на то, что он присутствует и представлен повсюду, не осмысляем. Это происходит из-за того, что он выходит за пределы категории практики в том ее виде, в котором она представлена здесь. Этот принцип мы уже изложили: это соединение дискурсивных практик с недискурсивными.

Нам скажут: все предпринимаемые шаги ведут к тому же загадочному месту, в которое уперлась предыдущая глава! Конечно, и это вполне естественно, поскольку, пройдя это место, мы оказываемся вне Фуко. Но будьте внимательны – мы продвинулись в нашем очевидном замкнутом круге и теперь имеем уже детерминированные средства преодоления этого «археологического» круга. Разобравшись с этой трудностью, мы вышли на спасительную дорожку, которая избавит нас от отписок. В сущности, мы можем теперь сказать, что разведение дискурсивной и недискурсивной деятельности соответствует попытке переосмысления различения науки и идеологии. Точнее: попытке осмыслить две истории – историю наук и историю идеологий в их дифференциальном единстве. Это больше не стремление к одностороннему подчеркиванию *автономии* истории наук, а стремление к выделению *относительности* этой автономии. Теперь Фуко, встав на этот путь, должен признать (и это самая большая его заслуга), что идеология (мыслимая как категория «знания», как система иерархически структурированных отношений и включенная в практику) в свою очередь не является автономной. Ее автономность всегда лишь *относительна*.

Но он также осознает угрожающую ему опасность – понимание «знания» как явного и прямого следствия (или отражения) социальной структуры. Иначе говоря, он рискует, спасаясь от трансцендентального идеализма, впасть в эмпирический механицизм, который является обратной стороной первого. Отсюда его крайнее замешательство и метафорическая неопределенность предлагаемых им категорий.

Разберем некоторые просчеты как таковые: «признание», обязательно ошибочное, просчетов «археологической» системы. Первое признание: роль *общественных установлений* в «сцеплении». Возвращаясь к исследованиям, проведенным в «Рождении клиники», Фуко пишет две замечательные страницы на этот счет. Я ограничусь цитированием лишь некоторых отрывков, выделяя некоторые слова, необходимые мне при анализе, который я дам ниже.

«Первый вопрос: кто говорит? Кто, в множестве всех говорящих субъектов, уполномочен осуществлять этот вид речевой деятельности? Кто *обладатель* этого права? Кого он наделяет своеобразием, авторитетом, и от кого взамен он получает если не гарантии, то по меньшей мере презумпцию истины? Каков *статус* индивидов, которые имеют (и только они) предписанное или исконное, *юридически* зафиксированное или принятое спонтанно право произносить подобные речи? Статус врача включает критерии компетенции и знания; *общественные установления, системы, педагогические нормы; установленные законом условия*, которые дают право на практику и использование знания». И далее: «Существование медицинского слова неотъемлемо от личности с определенным статусом, имеющей *право* говорить, требуя для себя *возможность* предотвращать страдание и смерть. Но также известно, что этот статус в западной цивилизации был сильно модифицирован в конце XVIII – начале XIX века, когда здоровье населения стало одной из экономических *норм*, присущей индустриальным обществам».

«Также известно...»: признаем, что Фуко не предоставляет нам никаких средств для перехода от этого познания по слухам к рациональному познанию процесса модификации. Снова та же загадка «сцепления». Но этот текст исключителен, поскольку позволяет

уточнить – во всей полноте – функционирование категории «правила» у Фуко: она зависит от понятий *статуса*, *нормы* и *возможности*. Если быть до конца точными: *статус* определяется через недискурсивный момент. Можно сказать, что через часть государственного аппарата он воплощает, излагает некоторое количество *норм* в свете экономических императивов. **Этот статус буквально делает осязаемой профессию, и эта осязаемость вводит дискурс, который имеет здесь место – и индивиды, ведущие его, – возможности.** Очевидно, что эта последняя возможность, существующая лишь в дискурсивной деятельности врачей, поскольку она не чужда государственному аппарату, имеет некоторое отношение (не уточненное Фуко) с властью Государства. Оставим этот анализ, впрочем, в другом месте столкнемся с этой же проблемой.

Стиль изложения Фуко становится все более туманным: так (страница 61), описывая становление объекта знания как «сложной связки отношений», он порождает беспрецедентное смешение разнородных идей: «Эти отношения установлены между институтами, экономическими и социальными процессами, формами поведения, системами норм, правилами, типами классификации, способами определения. Они не присутствуют в объекте».

Можно было бы процитировать множество других столь же расподичных текстов (особенно стр. 98).

Пришло время определиться и посмотреть, почему, выбрав ложный путь, Фуко должен был с необходимостью сломать на нем шею. Собрав все полученные в ходе исследования элементы, мы сможем предложить следующий тип анализа: исходя из критики старого альтюссеровского понятия идеологии (слишком узкого), Фуко вырабатывает свою собственную категорию «знания» и подкрепляет ее плохо обоснованным понятием «практика». Плохо обоснованным, **поскольку чувствуется необходимость его дробления для наполнения его, чтобы заставить его функционировать, не имея возможности объяснить этот раскол.** Но, используя рациональные моменты своей критики, он репродуцирует, хотя вновь неуместно, определение научного понятия идеологии, эффективно функционирующее в историческом материализме. Поскольку в начале построения своей концепции, когда возникает

основная сложность «связи» между идеологией и производственными отношениями, в его распоряжении нет этого понятия, то он, немного лукавя, теряется и вынужденно намечает контуры проблемы.

ПОЯСНЕНИЯ

1. Понятие идеологии в том виде, в котором оно функционирует в историческом материализме Маркса и его последователей, не является полной противоположностью науки. Фуко абсолютно прав: задаваемый им идеологии вопрос о «структуре материальности» – это реальный (материалистический) вопрос неотложной теоретической необходимости для диалектического материализма. Известно, что идеология обладает плотностью, материальным (точнее «институциональным») существованием и реальными функциями в общественной формации. Никто не отрицает, что в данной Марксом (еще несколько описательной) схеме структуры общественной формации идеология (или идеологии) занимает положение в «надстройке». Надстройка, детерминированная «в итоге» экономическим базисом, должна оказывать на него «обратное воздействие». В этом качестве идеология не может исчезнуть лишь по той причине, что возникает наука. Понятно, почему был прав Мишель Фуко, пожелав работать на «другом уровне», нежели эпистемология «разрыва»: «Разрыв не может быть для археологии границей исследований, границей, которую она созерцала бы издалека, не имея возможности определить ее и выявить присущую ей специфику. *Разрыв* – это имя, данное изменениям, направленным на общую структуру одного или многих дискурсивных образований»²⁸. Определить идеологию как «компонент» любой общественной формации означает обязать себя мыслить ее не только в строго башляровском смысле, как «череду ошибок трудных», проникающую в тайны воображения, как «бесформенную путаницу» этих «теоретических монстров», предшествующих науке, часто переживая ее своим патологическим существованием, но это также означает мыслить

²⁸ Op. cit., p. 231.

структуру, функционирование и функцию этого компонента в качестве материального, исторически детерминированного во всем социальном, исторически определенном комплексе. Это, как мне кажется, придает особенную ценность «Археологии».

2. Попытка закончилась провалом: «исследования натываются» на слепое различие дискурсивной и недискурсивной деятельности. В действительности, если мы не ошибаемся, в этом нет ничего удивительного: можно показать, что этим разведением понятий Фуко хотел решить три различные задачи, которые могут быть сформулированы лишь в терминах исторического материализма. Три задачи, решение которых оказалось непосильным для Фуко – он смог лишь сформулировать их.

Задача первая. Она касается отношения между «идеологическим образованием» и тем, что Фуко называет «общественными отношениями», «экономическими флуктуациями» и т. д. Короче говоря, ее смысл заключается в том, что мы неоднократно обозначали как проблему так называемого «сцепления». Другими словами, какой тип отношений в общественной формации связывает идеологию с базисом? Наивный вопрос, скажут нам, на который марксист легко ответит, приведя классическую схему базиса и надстройки. На самом деле данного ответа недостаточно. Он дескриптивен. И несмотря на то, что он обладает важным преимуществом – «показывает», что представляет собой порядок материалистической детерминации, несмотря на то, что он имеет полемическое значение для критики идеалистических концепций истории (хотя эти идеи и увлекают людей), несмотря на то, что он по многим причинам должен отстаиваться как теоретическое марксистское знание, поскольку позволяет провести линию демаркации между двумя философскими «лагерями», между нашими противниками и нами, тем не менее необходимо признать, что он не дает нам средств для осмысления механизмов, связывающих идеологию как *систему иерархизированных отношений, подчиняющую субъекты* и способ производства (в строгом смысле слова), то есть установленную систему производственных отношений и производительных сил²⁹. Фуко требует от нас теоретического осмысления именно этого механиз-

²⁹ См. статью Альтюссера в *La pansee* № 151, июнь 1970.

ма. Через понятие «сцепления» он обозначает местоположение неотложной теоретической задачи, заключающейся в необходимости перехода от дескриптивной теории к *всего-навсего* теории отношений между идеологией и базисом. Нам известно, что с этим может справиться лишь исторический материализм. Не имея возможности самим предложить решение, уточним хотя бы границы проблемы. Если верно, как показывает классическая схема, что именно базис является детерминантой, то необходимо спросить себя: что в механизме, регулирующем отношения этих двух систем, которыми являются производительные силы и производственные отношения, продуцирует необходимость метода идеологического подчинения? Когда-нибудь придется ответить на этот вопрос: заслуга Фуко состоит в том, что он вновь напомнил о нем и указал на его исключительную важность.

Задача вторая. Она касается статуса «лженаук», являвшихся объектом всей предыдущей работы Фуко. Он настаивает на том, что общая грамматика, естественная история и т. д. перед лицом существующей науки могут быть названы «идеологическими» и быть тесно связанными с системой существующих в данный момент и в данном обществе идеологических отношений. Вся «Археология» пытается доказать это. Никогда общая грамматика или естественная история не имели того же статуса, что и религиозная, нравственная или политическая идеология, в том их виде, в котором они функционируют в той или иной общественной формации. Показатель этого различия: эти дисциплины, желая того или нет, получили статус «наук». Иными словами, Фуко пытается избежать «упрощения», которое мы легко бы назвали «идеологастским», механистического по своей сути. Он предлагает, в конечном итоге, провести различие между двумя «формами» идеологии. Но он хочет, чтобы оно воспринималось не как «формальное» (одни систематизированы, другие нет), а как «различие уровня». Я хочу уточнить, что он здесь намечает различие, которое может быть сформулировано в понятиях исторического материализма как различие между «практическими идеологиями» и «теоретическими идеологиями». Практическим идеологиям Альтюссер дает следующее определение: «Мы понимаем под «практическими идеологиями»

ми» сложные соединения понятий – представлений – отражений, с одной стороны, и поступков – поведения – отношения – жестов, с другой. Целое играет роль действующих норм, управляющих отношением или выбором людьми определенной позиции по отношению к реальным объектам и реальным проблемам их единичного и общественного существования и их истории». Как представить «соединение» практических идеологий с «теоретическими идеологиями»? Что есть «теоретическая идеология»? Эти вопросы, сформулированные на языке материализма, Фуко задает в иной форме. Именно здесь во всей своей полноте раскрываются смысл и значение канонического понятия *архива*. Чтобы проанализировать его, пришлось бы максимально подробно исследовать главу «Историческое и архивное априорное суждение»³⁰. Обосновывая употребление первого выражения, Фуко пишет: «Находящиеся рядом эти два слова продуцируют очевидный результат; я имею в виду априорное суждение, которое было бы не условием истинности суждений, а условием подлинности высказываний». Отсюда следует, что *архив*, взятый в совершенно новом значении, есть «прежде всего закон того, что может быть сказано, метод, определяющий возникновение высказываний как единичных событий». Более обобщенно: «Это общий метод образования и преобразования высказываний».

Но данный общий метод, как мы видели, не автономен. Закон его функционирования сам зависит от другого типа «закономерности» – закономерности недискурсивных практик. Скажем, что образование объектов теоретических идеологий подвергается воздействию практических идеологий. Точнее: практические идеологии сообщают свои формы и пределы теоретическим идеологиям. Предлагая работать на уровне архива, Фуко призывает нас к осмыслению механизма, управляющего этими феноменами. Он ставит перед нами следующий вопрос: вследствие каких специфических процессов практические идеологии вторгаются в формирование и функционирование теоретических идеологий? Или: в каком виде практические идеологии «представлены» в теоретических идеологиях? Здесь Фуко ставит перед собой важную реальную задачу. Ответ, даваемый «Археологией», всего лишь набросок, кото-

³⁰ Op. cit., p. 166–173.

рый необходимо разрабатывать на твердой почве исторического материализма.

Третья задача. Она касается типа отношений, существующего между теоретической идеологией и наукой. Фуко вносит большой вклад в изучение этого вопроса. Он показывает, что тот не может быть решен в *объектном* отношении. Сравнить объекты теоретической идеологии с объектами науки означает обречь себя на описание *разрыва*, который ничего не объясняет. Констатируя необходимость «прохождения» через выработанную им категорию «знания», он обращается к истинной постановке проблемы. Это вопрос не отношений существующей науки с теоретической идеологией, которая кажется ей соответствующей, а вопрос науки в фиксированной системе теоретических и практических идеологий в ее обновленном виде. Так, если, как мы вскоре увидим, практические идеологии «представлены» в теоретических, наделяя их формой и границами, то необходимо признать, что наука может проникнуть лишь через *зазор* в этом процессе ограничивающего. Вот почему Фуко предлагает заменить понятие разрыва на более оптимистическое, по нашему мнению, понятие *вторжения* науки. Это вторжение в знание, то есть в материальное пространство, в котором действует система теоретических и практических идеологий. Фуко считает, что проникновение науки в общественную формацию необходимо мыслить, идя этим окольным путем, помогающим избежать одновременно и идеализма, для которого наука падает с неба, и экономического механицизма, для которого наука всего лишь отражение производства.

Пришло время продемонстрировать в качестве заключения на примере, как может функционировать данный тип анализа. Обратимся к отношениям между Марксом и Рикардо. Фуко пишет этот поразительный отрывок: «Такие понятия, как прибавочная стоимость или направленное снижение коэффициента прибыли, в понимании Маркса могут быть описаны, исходя из метода позитивности, изложенного Рикардо. Однако эти понятия (в отличие от правил их образования, являются новыми) появляются у самого Маркса как зависящие от любой другой дискурсивной практики. Они образованы в ней по специфическим законам, они занимают в ней

особое положение, они проявляются в различных сочетаниях. Это новая позитивность, не являющаяся следствием пересмотра исследований Рикардо. Это не новая политическая экономия, а дискурс, возникший вследствие развития некоторых экономических понятий, но в свою очередь определивший условия, в которых осуществляется дискурс экономистов, и может, таким образом, расцениваться как теория и критика политической экономии»³¹.

Лучший комментарий, который можно дать по поводу этого анализа, состоит в его сопоставлении с отрывком из Послесловия ко второму немецкому изданию «Капитала»³². Маркс в нем пишет: «...поскольку политическая экономия является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной до тех пор, пока классовая борьба будет находиться в скрытом состоянии или обнаруживается в единичных проявлениях. Возьмем Англию. Ее классическая политическая экономия относится к периоду неразвитой классовой борьбы. Последний великий представитель английской классической политической экономии, Рикардо, в конце концов сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыли и земельной ренты, наивно рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни. Вместе с этим буржуазная экономическая наука достигла своего последнего непереходимого предела». Здесь появляется то, что представляет исключительный интерес текста Фуко: становится понятным, как объекты Рикардо и Маркса возникают из одного «дискурсивного образования», как подобная теоретическая идеология, которой является классическая политэкономия, определяется в своем строении системой *границ*, образованных условиями практической идеологии; становится даже понятной недостаточность, с эпистемологической точки зрения, разрыва (или разъединения). Но также становится ясно, что отсутствует в «Археологии»: классовый подход. Это, конечно, связано с тем, что

³¹ Op. cit., p. 230.

³² ES p. 24–25.

Маркс, встав на позиции пролетариата, вводит «новую дискурсивную практику». Другими словами: практические идеологии отмечены классовыми антагонизмами. Только происходящие изменения в системе противоречий позволяют перейти от идеологии к науке. Эти рассуждения, на которые нас натолкнула *«Археология»*, хотя и недостаточны, выходят за пределы начинания Фуко. Они выходят за его пределы по необходимости, и их отсутствие свидетельствует о смещении всех понятий Фуко. Отсюда следует, что *«Археология»* сама остается теоретической идеологией. Но отсюда также следует: чтобы понять Фуко, необходимо обратиться к классовой позиции. Теперь виден смысл выбора Фуко между историческим материализмом и собственными построениями: это теоретический выбор, но политический по сути. Мы детально рассмотрели последствия этого выбора: он помещает *«Археологию»* «в рамки, из которых она никогда не сможет вырваться». Несомненно: «археолог», вставший на другой путь, найдет множество других богатств. Последнее уточнение: он перестает быть «археологом».

Перевод с французского А. А. Рыковой